

The background is an abstract painting with a rich, textured surface. It features a palette of deep reds, oranges, and yellows, with some darker, almost black, areas. The brushstrokes are visible and expressive, creating a sense of movement and depth. The overall mood is intense and dramatic.

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ПАМЯТЬ

Елена Крюкова

Память

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35239809

ISBN 9785449310002

Аннотация

«Память» – новая книга стихотворений Елены Крюковой. Память любви. Память боли. Память радости. Традиция русской поэзии – звучать; эти стихи звучат, как музыка. И в то же время все, что в них происходит, видно издалека, как фрески под мощным куполом храма. Иной раз вызывающе дерзко многонаселенное пространство этих стихотворных фресок, и кричат, сражаясь, воины, и луч света пронзает копьем великую тьму. И мы вспоминаем вечные слова: свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Содержание

ПАМЯТЬ	6
ВЕРА И СТРАСТЬ	7
ФРЕСКА ПЕРВАЯ.	10
«С неба – хвойного откоса ...»	10
ВНУТРИ СТРАШНОГО СУДА	11
РЫНОК. ДИТЯ	14
ДВОЕ НИЩИХ	15
ПОСЛЕДНЯЯ МУЗЫКА	16
ДУША ЛЕТИТ НАД ЗЕМЛЕЙ.	18
НЕОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА	
«Тьма стиснута беленою палатой...»	20
АНГЕЛИЦА	21
ВСТРЕЧА С САМАРЯНКОЙ	22
СВАДЬБА	24
РАХИЛЬ И ИАКОВ	25
«Куда мы премся, милые, огромную толпой?..»	29
ЮРОДИВАЯ И СКОМОРОХИ (хоровод)	30
НЕВЕРИЕ ФОМЫ	40
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	43
РЕВОЛЮЦИЯ	45
LASCiate MI MORIRE	47
КАРТЕЖНИКИ	48

БАВИЛОН	51
ВСЕПРОЩЕНИЕ	54
СЛЕПЫЕ	56
БЕРЕГ МОРЯ	57
СОН ОВИДИЯ. РОЗОВЫЕ ОДЕЖДЫ	59
ОВИДИЙ ОТДЕЛЯЕТ ТВЕРДЬ ОТ ВОДЫ	61
БАЛ В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Память

Елена Крюкова

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Елена Крюкова, 2018

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1000-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТЬ

фрески

«Память» – новая книга стихотворений Елены Крюковой.

Память любви. Память боли. Память радости.

Память-борьба. Память-прощение. Память небесная и земная.

Такая книга немыслима без невероятных сопоставлений, без смелых образных столкновений.

Традиция русской поэзии – звучать; эти стихи звучат, как музыка.

И в тоже время все, что в них происходит, видно издалека, как фрески под куполом храма.

Иной раз вызывающе дерзко многонаселенное пространство этих стихотворных фресок, и кричат, сражаясь, воины, и луч света пронзает копьем великую тьму.

И мы вспоминаем: свет во тьме светит, и тьма не объ-яла его.

Это – свет любви и памяти.

Памяти сердца; памяти народа.

ВЕРА И СТРАСТЬ

Елена Крюкова – поэт милостью Божией; ее произведения необычны и на сегодняшний день неоспоримо необычайны. Она обращается и к остросовременным темам, и к символике земной культуры.

Все поэтические истории Елены Крюковой, ее лирические герои, позиции и положения ее поэзии настолько мощно пропитаны жизнью, что захлёбываешься в её соке, пьёшь жадно и неутолимо. И в то же время здесь видна высокая работа духа, свободное и смелое обращение к древнему мифу.

«Крюкова обращается к вневременным, вечным образам. И эти легендарные герои живут среди нас, здесь и сейчас, в настоящем времени – как живут на стенах храма фрески, нарисованные художником. Мифы становятся явью: художник сперва чувствует, и только затем рисует», – замечает писатель Игорь Менщиков. «Фрески и танец, вера и страсть в ее поэзии сближаются, обмениваются репликами, вступают в многоголосый торжественный хор. Елена Крюкова то и дело рискованно пересекает границы религиозного канона. Но, парадоксально, реабилитирует веру как радость, свет жизни.», – говорит литературный критик Валерия Пустовая. Недаром свои поэтические композиции сам автор именует фресками.

Эти оригинальные словесные фрески остаются в памяти:

их мощно-слепащие или воздушно-нежные краски, движение фигур, наложения пространств и времен впечатляют.

Стихи Елены Крюковой стоят особняком в современной русской поэзии. Писатель и литературный критик Мария Скрыгина точно подмечает особенности творческого стиля поэта: «Тексты Крюковой объёмны – здесь сливаются вместе слово, звук, цвет; они звучат полифонией, фразы музыкальны, образы зримы. Несомненно, сильна у автора драматургическая составляющая. Елену Крюкову интересует человек в трудных обстоятельствах, на грани, его размышления, переживания, личный выбор, поступок. И в то же время ей важно показать, как в судьбе человека отражается судьба страны». Чувство музыки, ритма, богатство метафор, пространство мифа, где поэт ощущает себя в свободном полете, не заслоняют для автора высокой нравственной составляющей: дух, вера, любовь – ориентиры, архетипы ее поэтики.

Произведения оригинального автора – всегда пища для размышлений. Елена Крюкова держится особняком в русской литературе. Она абсолютно независима от школ, моды и литературных течений и давно уже делает, что хочет, в искусстве. Это непростая литературная судьба, но Крюкова выбрала именно такой путь. Самое ценное для автора – прийти к себе, выявить свое «я». У Крюковой это получилось. Ее интонация, ее образы узнаваемы и неповторимы, их не спутаешь ни с чем.

Один из самых знаменитых писателей современности За-

хар Прилепин, составляя антологию нижегородской поэзии, сказал: «Елена Крюкова – писатель страстный, иногда даже неистовый, и при этом мыслящий, верующий, удивляющий. Крюкова начинала как один из самых сильных поэтов в России и сильнейшим поэтом продолжает оставаться».

Евгения Шашина

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ

«Если он был еще жив, то потому, что ждал».

Жозеф Бедье, «Роман о Тристане и Изольде»

«С неба – хвойного откоса ...»

*С неба – хвойного откоса —
Крупный град планет слетает.
Сотни тел, сплетенных в косу,
Наглый ветер расплетает.*

*...А внизу, меж грязных кочек,
На коленях, в ветхом платье —
Человеческий комочек
Я, любви людской проклятье,*

*Плачу, утираюсь, вою,
Хлеб кусаю, из бутылки
Пью!.. – а свет над головою —
Как печенье на могиле...*

Яйца... пряник... – без обиды...

Сласть – в бумаге – псы подъяели...

Два крыла царя Давида.

Два крыла Иезавели.

ВНУТРИ СТРАШНОГО СУДА

Не ломайте руки мне – хрусткие ледышки...

Морды – мышки... щеки – пышки...

Я лечу внутри Суда: под ногами – города;

Я бегу до хрипа, до одышки

По тяжелым облакам... юбка задерется – виден срам...

А солдат глядит, замерзший, с вышки

На летящую в небесах – меня!.. На шматок волос огня...

На живот мой, локти и подмышки...

Я жила, жила, жила. Я пила, пила, пила.

Ела, ела, ела – и любила.

Синие гвозди звезд... лес, зубцы пихт... мгла...

Топор Луны... кометы метла...

В руке ночной, черной, скрюченной, – звездное кадило...

Руки, что нянчили меня, – мертвы.

Губы, что кусали хлеб моих щек, – мертвы.

На половые тряпки порваны пеленки.

Истлел мой детский, в золотых блестках, княжеский кафтан.

Сгорел в печи мой детский барабан.

Страшный Суд!.. прими голого ребенка.

Прими голое, морщинистое, старое дитя.
Бутылку жму к груди: о, не в вине душа.
Седую бровь я пальцем поплюю.
Я ведь маленькая, Бог, а дура – будь здоров.
Я не научилась за всю жизнь, посреди пиров,
Съесть Царские яства на корню.

Не выучилась, дура, – а хотела как!.. —
Никогда не разменивать разменный пятак;
Отрезать от пирога, чтоб не убывало;
Нагло врать в лицо, чтоб свою шкуру сберечь,
И так исковеркать грубую, горькую речь,
Чтоб обсасывали косточки, грызли сладко, вопили:
«Вкусно!... Дай еще!.. мало!..»

Ах, дура, – бежала голяком!
Ах, Федура, – не умела тишком:
Все гром, да слом, да ор, да вор, да крик истошный!
Вот и слышно было мя издалека
Вот и знали все мя – от холопа до князька:
Смех залиvistый, посвист скоморошный!

А и в Царских невестах ходила небось!..
А и в Царских дочерях походить довелось!..
А мне все у виска пальцем крутили:
Что ты, девка, они ж подошли все давно...
Что ты, кляча, в том лесочке темно,

Ни часовни, ни креста на той могиле!..

Все Царское у тебя – и зипун, и тулуп.
Все Царское у тебя – и изгиб ярких губ,
И синь очей из-под век,
и на плечах алмазный снег,
и ожерелье вьюги.

Вся жизнь твоя Царская – в огне и в беде.
И ты, Царица, в небе летишь, на Страшном Суде,
И сосцы твои – звезды, и руки твои – звездные дуги.

И глаза твои, Царица, – один Сириус, другой Марс:
Они жестоко и страшно глядят на нас,
И ладони твои, Царица, – звездные лики:
Они обернуты к нам, и пальцы подъяты, как власа, —
Живи, Царица, еще час, еще полчаса,
А там – душа пусть выйдет в звездном крике.

И раскатится крик над ночной тайгой – Страшный Суд!
И ты упадешь с небес, Царица! И тебя унесут,
Увезут на телеге с зеленого льда расстрела:
Ах, была ты дура из дур, что орала так —
Вот молчанье навек, вот на глаза пятак,
И это длинное, худое, животастое, ребрастое,
старое, Царское, детское, нищее тело.

А и где душа?.. А и нету души.
Тихо из мира уходи. Звезду туши.

РЫНОК. ДИТЯ

Я – ребенок. Ночами мне снится
елка в точках тигриных зрачков.
Я тащу за собой рукавицы —
двух привязанных белых щенков.

Я сижу на коленях у мамы,
как большой золотой самовар!
И гулять направляюсь упрямо
не во двор, а на зимний базар.

Стружки белые пахнут цветами.
Огурец толстокожий горчит.
Черной лапою звезды хватая,
над торговками елка торчит.

Льется медленной медью из крынки
желтый мед на морозе густом.
Чем-то доверху полны корзинки
и прикрыты капустным листом.

Сыплют красные грубые пальцы
на прилавок седой из мешка
деревянных медведей и зайцев,
словно ягоды из туюска.

Я мечтаю о зайце дубовом.
Я цветочного меда хочу.
Денег нет. Я серебряным словом
и отчаяньем детским плачу.

Я стою – чуть пониже прилавка.
Словно яблоко, желтый помпон.
Пахнет снегом, рассолом и травкой
от запахнутых шубой времен.

Мать берет меня на руки круто
и несет меж торговых рядов —
от зимы сухорукой и лютой,
от счастливых еловых годов,

мимо ругани, купли-продажи,
мимо ларей, прикрытых мешком —
в жизнь, где связаны честность и кража
воедино – колючим пучком.

ДВОЕ НИЩИХ

*Обнимемся мы, сцепимся – не разрубить ножом.
Мы, люди, к людям лепимся – и судорогой – жом.*

*Одежда вдоль разорвана – и бархат и атлас!..
Мы голыми, мы гордыми пребудем среди вас.*

*Весов корзина грязная наполнена: жемчуг?!
Живое золото красное – мерцанье нищих рук!*

*В заплечной давке, в крошеве
Лиц-рук-лопатоk – в пляс, —
Алмазные горошины любимых, бедных глаз!*

*Хлестай нас, время лютое. Шарь по карманам грош.
Фаворским ветром сдуты мы. Далёко нас найдешь.*

*Раззвяют пасти в хохоте, стыдом воткнут персты —
Обнимемcя мы в грохоте, где пули и кресты!*

*Все выпито. Все обнято огнем. Все сожжено.
Осталось нам – все отнято! – объятие одно.*

*Огромное, стослезное: прощай... навек... уже?!.. —
Как волчий ветер, грозное,
Заплатой – на душе.*

ПОСЛЕДНЯЯ МУЗЫКА

Хоронили отца. Он художником был.
Гроб стоял средь подрамников, запахов лака —
Средь всего, чем дышал он и что он любил,
Где меж красок кутил, где скулил, как собака.

Подходили прощаться. И ложью речей,
Как водою студеной, его омывали...
Он с улыбкой лежал. Он уже был ничей.
Он не слышал, чьи губы его целовали.

Гордо с мамой сидели мы в черных платках.
Из-под траура – щеки: тяжелое пламя.
И отец, как ребенок, у нас на руках
Тихо спал, улыбаясь, не зная, что с нами...

Нет, он знал! Говорила я с ним как во сне,
Как в болезни, когда, лишь питьем исцелимый,
Все хрипит человек: – Ты со мной, ты во мне, —
И, совсем уже тихо: – Ты слышишь, любимый?..

А потом подошли восемь рослых мужчин,
Красный гроб вознесли и на плечи взвалили.
И поплыл мой отец между ярких картин —
Будто факел чадающий во тьме запалили.

Его вынесли в снег, в старый фондовский двор.
И, как в колокол, резкий рыдающий ветер
В медь трубы ударял!
И валторновый хор
Так фальшивил,
что жить не хотелось на свете.

ДУША ЛЕТИТ НАД ЗЕМЛЕЙ. НЕОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА

...Прости, прости же, дочь. Ты положила
Туда – с собой – бутылку да икону...
И вот лечу, лечу по небосклону
И плачу надо всем, что раньше было.

И больше до тебя не достучаться.
А лишь когда бредешь дорогой зимней
В дубленочке, вовек неизносимой, —
Метелью пьяной близ тебя качаться.

Я вижу все: какходишь в магазины
И нищую еду кладешь рукою
В железную и грязную корзину,
Плывя людскою гулкою рекою.

Я вижу все – как бьет отравный ветер
Тебя, когда идешь ты узкой грудью
Насупротив такого зла на свете,
Что легче камнем стынуть на распутье.

Я вижу, как – осанистей царицы —
Тыходишь в пахнущие потом залы
Золотоглавой, смоговой столицы,

Которой всех поэтов было мало!

Но слышу голос твой – браваду улиц,
Кипение вокзалов, вой надгробий —
Когда гудишь стихами, чуть сутулясь,
Ты, в материнской спавшая утробе!

О дочь моя! Да ты и не святая.
Клади кирпич. Накладывай замазку.
Пускай, немой, я над землей летаю —
А ты – мои голосовые связки.

Так спой же то, что мы с тобой не спели:
Про бубен Солнца и сапфиры снега,
Про вдовьи просоленные постели,
Про пьяного солдатика-калеку,

Про птиц, что выпьют небеса из лужи,
Пока клянем мы землю в жажде дикой,
Про рубщиков на рынке – и про стужу,
Где скулы девки вспыхнули клубникой,

Про поезда – верблюжьи одеяла
Повытерлись на жестких утлых полках! —
Про то, как жить осталось очень мало
В крутой пурге, – а ждать уже недолго, —

Про то, как вольно я летаю всюду,
Бесплотный, лучезарный и счастливый, —

Но горя моего я не забуду,
И слез, и поцелуев торопливых!

Твоих болезней, скарлатин и корей.
Глаз матери над выпитым стаканом.
Земного, кровавого, злого горя,
Что никогда не станет бездыханным.

И в небесах пустых навек со мною
Искромсанная тем ножом холстина
И мать твоя
над рюмкой ледяною,
Когда она мне все грехи простила.

И только грех один.....

«Тьма стиснута беленою палатой...»

*Тьма стиснута беленою палатой.
На тумбочках печенья тихо спят.
Больные спят, разметаны, распяты.
Бессонные – в тугую тьму глядят.*

*Скажи мне, кто больной, а кто здоровый?..
Нас замесили. Тесто подойдет
Как раз к утру. Вначале было Слово.
В конце... – ...уже никто не разберет...*

*Им – хлеб и воду! Папиросы пламя!
Им – номер на отгибе простыни...
И так об кружку застучат зубами,
Что спутаю – где мы, а где они...*

*И я пойму – из кружки той глотая —
Что нет границы, что «они» и «мы» —
Одна любовь, едина плоть святая —
Средь саванной, январской яркой тьмы.*

АНГЕЛИЦА

Старик, упала я. Старик, воды.
Старик, кругом увалы и хребты.
Летела я в широких небесах —
А там и месяц высох и зачах.
Крыло мое!.. А перья все в крови,
Во ржавчине, мазуте, масле, льду...
Старик, ты Божью Матерь не зови.
Не видишь – человек попал в беду.
Мне чем-нибудь... крыло перевяжи.
Бинтом. Портянкой. Красным лоскутом.
Муаром – через грудь – роскошной лжи,
Где орден всходит Солнцем над крестом.
Да подцепи же... – рваной простыней
Военной свадьбы, с коей в ночь шагнул

И ногу потерял... кто там с тобой?!..
Мальчонка... рот – два зуба, свист и гул?..
Старик и мальчик – кровных два ведра
На коромысле века. Ближе, ну!..
Я ангелица. В небесах дыра
Прорезалась. Я как в нее шагну
И упаду – на площадь во снегу,
И бычит храм свой лбище золотой...
Дуй, ветер, дуй! Я больше не могу.
Я – коркой в грязь – у снега под пятой.
Я сломанные крылья волоку.
Отец мой, Сын мой, я узнала вас.
Я молока метели на веку
Хлебнула. Я лила метель из глаз.
Я на метели ела и спала,
Сражалась, кровь на серебро лия...
Вас обниму, пока не снидет мгла,
Крылами изувеченными
я.

ВСТРЕЧА С САМАРЯНКОЙ

Проходные дворы и метельная хмарь.
Рельсы страшно остры, и машинная гарь.

А за тьмью двора – хвост павлиний реклам,
Небеса, как дыра, да расстрелянный храм.

Пробежал проходным... Блеск ты, уличный гул!
Из сигарки Он дым жадно так потянул.

И внезапно – из тьмы – по шубейке – коса.
А вокруг – ночь, дымы, голоса, голоса...

«Ты куда?» – «Я – домой.
Детям я – молоко...»
«Посиди миг со мной.
Это – просто, легко».

«Ты рехнулся! Ты пьян...»
Папироса – во снег.
«Каждый лоб – осиян.
Каждый зверь – человек.»

«Ну, мужик, ты даешь!..
Так присядем – давай?..»
В сумке – клады: и нож,
И тугой каравай.

И под снежной тоской,
Под метельною мглой
Говорят, говорят,
Говорят – всей душой.

Тяжек белый наряд. Мир неоновый слеп.
Говорят, говорят и едят теплый хлеб,

Поправляет Ему снеговой воротник:
«А тебе бы жену, одинокий мужик!..»
И глазами блестит: я, мол, тоже одна...
И реклама горит в высоте, ледяна.

Это двое чужих, это двое родных:
Умоталась невеста, печален жених —
Баба в шубе потертой, с кухонной сумой,
Подгулявший рабочий, – пора бы домой,
Да смолит он, прищурясь, сигарку свою,
Да целует в ночи Самарянку свою —
Близ колодца ветров, близ колодца снегов,
Ибо вечна Любовь,
 быстротечна Любовь.

СВАДЬБА

Все по рынкам, по вокзалам, по миру скиталась.
Не краса была – а сила. Не любовь – а жалость.

Как вкусна вода из баков железнодорожных!
Близ гостиниц – вой собаки – отсветом острожным...

Сколько раз – в подушку криком: эх, судьбу узнать бы!..
Вот – сияю ярким ликом. Дожила до свадьбы.

Серьги – капельками крови. Дрожу, как синица.
Сколько было всех любовей, – может, эта – снится?!

Вспомню: боль... Пиджак на стуле...

Писем вопль упорный...

В самолетном диком гуле – плач аэропортный...

Рюмки на снегу камчатном ягодами светят.

Сойкой в форточку влетает резкий зимний ветер.

Только счастья нам желают, нашу бьют посуду,

Только я тебя целую, все не веря чуду!

И когда средь битых чашек нас одних оставят —

Наши прошлые страданья ангелы восславят.

РАХИЛЬ И ИАКОВ

Пусть все – гульба и гольтьба.

Пусть выпита дыханий бездна.

Твое дыхание – судьба

И свет небесный.

Приблизь лицо, упоено.

Я – родинка на теле люда

Родного. Я Пасхальное вино.

Что я жива осталась – чудо,

А ведь могла бы умереть —
Тонула... под ножом визжала...
Я не могу в глаза смотреть
Твои. Я сына так рожала,
Как поцелуя так — боюсь.
Так нежности боюсь — как боли
Родильной. На тебя крещусь,
Как на часовню в зимнем поле,
Как на созвездие Орла!
...И вот они, во тьме поющи:
Щека, и рот, и лоб... — и мгла,
В огнях вся, темень Райских кущей.

И рот мой рот вберет. И Дух
Мой дух вберет. И станем разом
Кольцом, из тел сплетенным двух,
Под воссиянным Божьим глазом —
Из двух сиротьих, птичьих души,
Искавших родину родную,
Как друга друг — жена и муж
В последнем — первом — поцелуе.

...Нежный, Иаков, нежный спусти шелк со плеч...
Бережно, тихо, бережно, — тебе надо меня беречь...
Всю меня, как ежонка от игл, ты счастливо обнажи —
Таинство: будто мед с ложки течет, бабьи одежды
совлечь...
Как на грубом дощатом столе тонко блестят ножи —
Длинные рыбы... Работал ты семью семь лет за меня...

Вот ты голый, горячий, Иаков... Держи Рахиль, держи,
Возьми под мышки – так берут кочергой —
головню из огня...

Тихо, Иаков, тихо... Наляг... Коленом нежно раздвинь
Нежных тонких березовых ног – стволов —
зимнюю стынь...

Я Белое Поле. Иди по мне... Рой тропинку рукой
В пушистом снегу... Я твой покой. Огонь ладонью
закрой.

Это нутро горит: душа во чреве, бают, живет...

Руку горящую всунь в кувшин —
в разверстый, нежный живот.

Это нежность с пальцев твоих льется, ясный елей... —
В сердце, в печень, в глотку, под дых, —
о, погоди, пожалей...

Нежность – ведь тоже может убить того, кто ее не знал.
О, Иаков, я не умею любить!.. Рахили никто не сказал...
Как это... где прижаться и слить
морозный узор – с огнем...

Где с губ живую воду испить...
где – мертвую: так и заснем...

Теку я маслом в твоих руках... Я боле не человек —
Не чувствую боли, а чую – во тьме – алмазом —
нежность одну:

Сверкающих снежных Медведиц вихрь,
на голое тело – снег,

И я в сетях снега запуталась, рыба, и я у снега в плену!
И ты во мне, о снег седой, во мне, – а что ж ты горяч,
Что жжешься, сыплешься ты в меня

богатством царских даров!.. —
То девкин смех, то крик мужской,
то старческий волчий плач,
То белый, слепящий, холодный мак —
в черноте – разбойных дворов!..
Ах, снег, великий!.. Ты все нутро засыпал до горла мне,
До певчей шеи... – нельзя дышать... —
хриплю я, шепчу в жару:
О снег, о Иаков, ты жжешь и жжешь —
сгорю я в твоём огне!..
Ты валишься, ты летишь, сияя, – от нежности я умру...
Ты всю меня обнял, любимый снег. Я белым тобою пьяна.
Мой нежный смех. Моя постель – сугробы, свет
и простор.
Моя колыбель. Моя метель. Тобою погребена,
Теперь навсегда я тебе жена, о снег, серафимский хор.
И вот твоя грудь – снега полей; и вот твои ноги бьют
В меня бураном, и бьют крылом,
светя в подсердную тьму:
О, хоть доподлинно знает Рахиль,
что праотцы все – умрут,
Но нежности горькой, снежной, ночной
она не отдаст никому!
И сырой земле!
И крику во мгле!

...Земля моя. Снег и лед.

Любимый, мы уснем на земле. Дай руки твои и рот —
Пред тем, как нас повезут на погост,

под хлещущей плетью вьюг,
Под нежность вечных холодных звезд,
спасенных от вечных мук.

«Куда мы премся, милые, огромною толпой?..»

Куда мы премся, милые, огромною толпой?
Что будет за могилою – побудка и отбой?
Куда идем мы, родные?..
А там, куда идем,
Веселые, голодные, под снегом и дождем, —
И плясуны площадные, и сварщики ракет,
И судьи, беспощадные, когда пощады нет,
Чугунные военные и мастера сапог,
И черною Вселенною идущий грозно Бог, —
Там полыхает сводами, там чахнет под замком
Над новыми народами
Он – Сумасшедший Дом!

Там снова скажут правила, как надо есть и пить,
Какая доза радости и польза – в горе жить...
Там снова, чуть замешкайся, прикрикнут: «Лечит
труд!» —
И в шахту – тьму кромешную – целебно уберут...

Чаек поьем на тумбочке... Да вафлей похрустим...
Дурак ты, а я дурочка, – так вместе погрустим!
Покуда нам забвения под кожу не ввели,
Покуда откровение – все запахи Земли,
Лицо сестры заплывшее, бегущей со шприцом,
И Время, вдруг застывшее
Возлюбленным лицом.

ЮРОДИВАЯ И СКОМОРОХИ (хоровод)

Кувыркайся бесом, прыгай,
Колесом ходи!
Нынче сброшены вериги.
Выпиты дожди.
Черноземные ковриги
Съедены, поди!

Люди, люди, мы не боги, —
Мокрые зверьки!
Посреди сугробов – крохи,
Люди, мы лишь скоморохи,
Дудки да гудки!

Вот он ты – гудок фабричный.
Вот он – заводской.
Вот – сиреною больничной!
Вот – истошный крик опричный!

Праздника отлом коричный...
Долгий – волчий – вой...

Кто варган тащит,
кто дудку;
Кто – побудку и погудку
Во трубу трубит;
Эх, война, дурная телка!
Вместо глаза – мертвой шелкой
Зыркнет инвалид...

Жизнь – веселье дикой пляски!
Жизнь – мазки кровавой краски
На седом снегу!
Люди, люди, скоморохи, —
Сброд, цари, святые, лохи, —
Больше не могу...

...

Скоморох, скоморох,
скоморошенька!
Из котла поешь мою окрошеньку:
Скелетами – трубы,
Пистолетами – губы,
Уши заячьих снегов,
Улы красные гробов,
Флагом – Ангела крыло
В небо бьется тяжело,

Резкий визг стальных повозок,
Бородищи, от мороза
Сыплющие серебром
На ветер, где мы порем...

И, дай Господи, не спиться —
Лица, лица, лица, лица,
Медию – по белизне,
Поплавком – на глубине,
И с глазенками слепыми,
И с зубами золотыми,
И со ртом, где гаснет ложь,
И с улыбкою как нож... —
Что ж

ты замер, скоморох?!
Черпаком лови горох!
Лук – тяни! Хватай – морковь!

...Холод. Жизнь. Еда. Любовь.
Музыка – из дудок всех.
Из луженых глоток – смех.
В кулебяке – рыба-сом.
Дай с тобою – для потехи —
Я пройдуся – колесом.

...

Пляшу, плясица!
Гармонь в руках гудит.

Седая псица —
Весь мир в меня глядит.

На по – хо – роны
Деньгу я соберу!
Нам нет закона
На площадном юру.

Гармошку вертит
Калека в кулаках.
Он был от смерти
Верней чем в трех шагах.

Под визг, плач, хохот
Я площадь пяткой бью.
Монетой – холод
Летит в щеку мою.

А я танцую!
И снега белый мох,
Как мех, к лицу мне!
И плачет скоморох —

Солдат поддатый,
Еловый инвалид:
Ништяк, ребята,
Там больно, где болит.

...

И пошла ПЛЯСКА СКОМОРОШЬЯ.

*Кувырк, враслопырк, пробей пяткой сотню дыр'к! —
Летит ракиша, кряхтит квакиша,
А на пятках у тебя выжжено по кресту,
А и прикинули тебя жареной лопаткой ко посту,
Швырк, дзиньк, брямк, сверк!.. – стой:
Лезвие – под пятой:
Из распаханной надвое ступни —
Брусника, малина, рябина, – огни:
Глотни!.. – и усни...
обними – не обмани...
Пляши, скоморохи, – остатние дни!..*

Ты, дядька-радушник, кровавый сафьян!.. —
Загашник, домушник, заржавелый наган:
В зубах – перо павлинье, сердчишко – на спине:
Вышито брусникой, шелковое в огне!
Бузи саламату в чугунном чану,
Да ложкой оботри с усов серебряну слюну:
Ущерою скалься, стерлядкой сигаи —
Из синей печи неба дернут зимний каравай!
Кусочек те отрежут! Оттяпают – на! —
Вот, скоморох, те хрюшка, с кольцом в носу жена,
Вот, скоморох, подушка – для посла гулянки – сна,
Вот, скоморох, мирушка, а вот те и война!
Гнись-ломись, утрудись, – разбрюхнешь, неровен
Час, среди мохнатых, с кистями, знамен!

Венецьянский бархат! Зелен иссиня!
Зимородки, инородки, красная мотня!
Красен нож в жире кож! Красен ледолом!
А стожар красен тож, обнятый огнем!
Лисенята, из корыта багрец-баланду – пей!
Рудую романею – из шей на снег – лей!
Хлещет, бляя, пузырясь, красное вино!
Блеск – хрясь! Рыба язь! Карасю – грешно!
А вольно – хайрузам! Царям-осетрам!
Глазам-бирюзам! Золотым кострам!
Мы ножи! Лезвия! Пляшем-режем-рвем
Шелк гробов! Родов бязь! Свадеб душный ком!
Ком камчатный, кружевной... а в нем – визга нить:
Замотали щенка, чтобы утопить...
Ах, ломака, гаер, шут, – ты, гудошник, дуй!
А сопельщика убьют – он-ить не холуй!
А волынщика пришьют к дубу, и каюк:
Гвозди рыбами вплывут в красные реки рук...
Ах, потешник, гусяр! Пусть казнят! – шалишь:
Из сороги – теши ты ввек не закоптишь!
Хрен свеклой закрась! Пляши – от винта!
Бьется знамя – красный язь – горькая хита!
Красная рыба над тобой бьется в дегте тьмы:
Что, попалися в мережу косяками – мы?!
Напрягай рамена, чересла и лбы —
Крепко сеть сплетена, не встанешь на дыбы!
Не гундеть те псалом! Кичигу не гнуть!
Пляшет тело – веслом, а воды – по грудь...
Пляшет галл! Пляшет гунн!

Пляшу я – без ног!

Что для немца – карачун, русскому – пирог!

А вы че, пирогами-ти обожрались?!..

А по лысине – слега: на свете зажились?!..

Заждались, рыжаки, лиса-вожака:

Нам без крови деньки – без орла деньга!

...пирогами, берегами, буераками, бараками,
хищными собаками,

Банями, глухоманями, услонами-казанями,

Погаными пытками, пьяными свитками,

Вашими богатыми выручками,

вашими заплатами-дырочками,

Кишмишами, мышами, поддельными мощами,

Учеными помощами, копчеными лещами,

Ледяными лесами, красными волосами,

Сукровью меж мехами, горячими цехами,

Чугунными цепями, цыплячьими когтями,

Вашими – и нашими – общими – смертями, —

Сыты – по горло!

Биты – по грудь!

А умрешь – упадешь – зубов не разомкнуть:

Крепко сцеплена подкова, сварена серебром —

Ни ударить молотом,

ни разбить серпом,

Ни – в скomorошью – рожу – кирпичом:

Из-под век – кровь на снег,

Ангел – за плечом.

...

– Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. —
Не взялись.

Горкой красного винограда на грязном зимнем блюде
Запеклись.

– Эй, что ж вы не пляшете, скоморохи?!..
Ноги отсохли, ну?!.. —

На морозе распахнуты шинели, ватники, дохи.
Всех обниму: оглянусь.

– Эй, что молчите...
на меня колко глядите...
как... елка в Новый Год?!..

И с гармонью инвалид
харкнул из глотки холодный болид:
– Дура. Война-то... идет.

...

...Она все бегала, трясла
За ветхие рукава
Народ; руки, как два весла,
Хватала – и вперед гребла!

А люди в спину ей: «У осла
Разумней голова».

Она так мнила: скоморох!..
С колокольцами,
 в алом колпаке!..
А фикса скалил пустобрех
С кастетом в кулаке.

И, когда она голые ноги ввысь
Взметнула из-под мешка,
Крутясь колесом, —
 «Чур меня, брысь!..» —
Крикнули два старика.

«Сдается, тута света конец,
Коль девка сбежала с ума!..»
«Да ну, – процедил пацан, – отец,
Снимают синема!..»

А она все кричала:
 «Скоморохи, эй!..
Одежды ваши красны!..
Давайте вверх поведем людей —
От зимы до полной Луны.

До толстой Луны, купчихи, что сосной
Топит медный свой самовар,
По лунной дороге, витой, ледяной,

Как из мертвого рта – пар!

По лунной дорожке,
 все вверх и вверх,
Наставляя о звезды синяки,
Катитесь, о люди, швыряя смех,
Как солнечной крови клубки!

Кидая оземь рюмки слез!
Хрустальную жизнь бия!
Пускай на земле трескучий мороз —
Со скоморохом в шубу из кос
Живых – завернулась я!..

И мы дойдем к старухе Луне!
И она нам чаю сольет,
И патлы омочит в белом вине,
И к зеркалу сунет лицо в огне,
И рот беззубый утрет...

И там мы забудем земную боль,
Забудем красные сны;
И в лунной пыли, что – мелкая соль,
Будем плясать, нищета да голь,
На Обратной Стороне Луны...»

**КОНЕЦ ПЛЯСКИ СКОМОРОШЬЕЙ,
ИСПОЛНЕННОЙ СИЛОЮ БОЖЬЕЙ.**

*ГОСПОДЕВИ ГОСУДАРЕВИ ГОРАЗДО ГРОЗНО
БАБЫ-ДЕВИ НЕ РЕВИ В РАСТРУБ СЛЕЗНО*

НЕВЕРИЕ ФОМЫ

...Страна, держава гиблая —
Туманы все великие,
Вокзалы неизбывные,
Полны чудными ликами...
Да поезда товарные,
Взрывчаткой начиненные, —
Да нищие пожарные,
В огонь навек влюбленные...
Россия,
 сумасшедшая!
Тебя ли петь устану я?
В грязи твоей прошедшая —
В какую святость кану я?!..
В откосы, где мальчишки жгут
Сухие листья палые,
В заводы, где, проклявши труд,
Мы слезы льем подталые?..
Полынь, емшан, седой ковыль,
Кедрач, органом плачущий, —
Да инвалидный тот костыль,
Афганский, рынком скачущий... —
Птичий базар очередей,

Котел кипящий города —
Да лица выпиты людей —
Идут, Предтечи Голода...
Пивной буфетчицы живот...
Костистые ломбардницы... —
А кто во флигеле живет? —
Да дочь наркома, пьяница...

Страна, держава гиблая!
Подвалов вонь несносная... —
Неужто – неизбывная?
Неужто – богоносная?
Неужто Ты еще придешь,
Христе наш Боже праведный,
Из проруби глоток глотнешь
Да из реки отравленной?
Гляди – не стало снегирей
И соловьиной удали, —
Гляди, Христе,
 гляди скорей,
Пока мы все не умерли!..

Не верю я, что Ты придешь!
В Тебя – играли многие...
Ты просто на Него похож —
Глаза большие... строгие...
Округ главы твоей лучи —
Снега, небось, растопятся!..
А руки, словно две свечи,

Горят – сгореть торопятся...

Не верю!

Отойдите все.

Голодная, забитая,
В соляной, смоговой красе —
Земля – Тобой забытая...
И чтобы Ты явился вновь,
Во славе, не крадущийся, —
Когда Малюты жгли любовь
Церквей Твоих смеющихся?!
Не верю!..

Покажи ладонь...

Вокруг Христа сиял покой.
Из раны вырвался огонь.
И очи защитил рукой
Фома!

...Держава горькая,
Земля неуголимая —
Над водкой и махоркою —
Глаза Его любимые...

В глаза Ему – да поглядеть...
Поцеловать ладонь Ему...

...Теперь не страшно полететь
По мраку по вороньему.

Теперь не страшно песню петь —
Указом запрещенную!
Теперь не страшно умереть —
Любимому,
Прощенному.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

В страшной черноте космической избы —
Краснокирпичные,
 златокованные,
 белокаменные столбы.

Ходят и падают, рвутся из пут.
Смерть и бессмертье никак не сомкнут.

Перья павлиньи.
Фазаньи хвосты.
Рубежи огневые
 последней черты.

Слепящие взрывы
 последних атак.
Адмиралом небес развернутый —
 флаг.

Складки льются, гудят на ветру.

И я – солдат – я под ним не умру.

А коли умру – лик закину свой
К Сиянью, встающему над головой,

К Сиянью, которое – детский лимон,
Ярость багряная похорон,

Наготы январская белизна,
Жизнь, жизнь – без края, без дна,

Жизнь, жизнь – без начала, конца —
Близ обмороженного лица,

Близ ослепших от снежного блеска глаз,
Жизнь бесконечная —
идущая мимо и выше нас!

Но ею одной – дышу на веку.
Ухом ушанки
вытираю щеку.

И по лицу – как по снегу холста —
Текут все краски
и все цвета,

Заливают, захлестывают
с головы до ног...
Вот он – Художник.

Вот он – Бог.

РЕВОЛЮЦИЯ

Это тысячу раз приходило во сне.

...Площадь. Черная грязь костоломных снегов.
Лязги выстрелов. Рваное небо в огне.
И костры наподобье кровавых стогов.

На снегу, рядом с лавкой, где надпись: «МЪХА»,
В копьевидных сполохах голодных костров,
В мире, вывернувшем все свои потроха
Под ножами планет, под штыками ветров,

В дольном мире, где пахнет карболкой и вшой,
И засохшим бинтом, и ружейною ржой, —
Тело тощей Старухи прощалось с душой,
Навзничь кинуто за баррикадной межой.

Поддержайчик залатан. Рубаха горит
Рваной раной – в иссохшей груди земляной.
Ангел снега над нею, рыдая, парит.
Над костром – мат солдатский, посконный, хмельной.

И рубахи поверх ярко выбился крест.
И по снегу – метельные пряди волос.

Кашель, ругань, и хохот, и холод окрест.
Это прошлое с будущим вдруг обнялось.

А Старуха лежала – чугунна, мертва.
Так огромна, как только огромна земля.
Так права – только смерть так бесцельно права.
И снега проходили над нею, пыля!

И под пулями, меж заревой солдатни,
Меж гуденья косматых площадных огней
К ней метнулась Девчонка: – Спаси! Сохрани... —
И, рыданьем давясь, наклонилась над ней.

А у Девочки той стыл высокий живот
На густом, будто мед, сквозняке мировом...
И шептала Девчонка: – Робенок помрет... —
И мечтала о нем – о живом! О живом!

Через звездную кожу ее живота
В пулевом, бронебойном, прицельном кольце
В мир глядела замученная красота
Царским высверком на пролетарском лице.

В мир глядели забитые насмерть глаза
Голодух, выселений, сожженных церковей,
А Девчонка шептала: – Ох, плакать нельзя...
А не то он родится... да с жалью моей!..

И себе зажимала искусанный рот

Обмороженной белой худою рукой!
А Старуха лежала. И мимо народ
Тек великой и нищей, родною рекой.

Тек снегами и трупами, криком речей,
Кумачом, что под выюгою – хоть отжимай,
Тек торчащими ребрами тонких свечей
И командами, что походили на лай,

Самокруткую, что драгоценней любви!
И любовью, стыдом поджигавшей барак!
И баракком, что плыл, словно храм на Крови,
Полон детскими воплями, светел и наг!

Тек проселками, знаменем, снегом – опять,
Что песком – на зубах, что огнем – по врагу!

...И стояла Девчонка – Великая Мать.
И лежала Старуха на красном снегу.

LASCIATE MI MORIRE

*Дайте мне умереть вместе с веком:
Тем в подвале убитым Царем;
Рыжим фрицем; обугленным ээком;
Пьющим ром в анфиладах хором
Старым деспотом – в оспинах розжа;*

*Храмом, взорванным лютой зимой...
...Как с Тобою похожи мы, Боже,
Мой бессмертный, отчаянный мой,
Мой ободранный, голый, без кожи,
На снегу Бесноватый Немой.*

КАРТЕЖНИКИ

Нет, здесь столы покрыты не сукном
Зеленым, – а гнилой клеенкой.
Хруст огуречный снега – за окном.
И выюга плачет звонко.

А мы сидим. Глаза обведены
Бессонной черной метой.
О карты! Вы меж мира и войны
Летающие планеты.

Засаленной колодою трясу.
Сдаю, дрожа руками.
Я Дамы Пиковой площадную красу
Пью жадными зрачками.

Табачный дым – старинный гобелен...
На вилке – сердоликом —
Селедка... Позабыт и фронт, и плен,
И дочкиного крика

Предсмертный ужас, и глаза жены,
Застывшие небесно...
И этой близкой, яростной войны
Хрип и огонь телесный...

Забыты гимнастерки, ордена,
Зенитки и разрывы...
Ох, карты!.. Лучше всякого вина,
Пока мы в мире – живы...

И бабий, теплый нацепив халат,
Очки на лоб подъявши,
Играет насмерть в карты грек Сократ,
Афинский шкет пропавший.

Играет врукопашную, на дзот
Врага – бросает силы:
Эх, черная одна лишь масть идет,
Собака, до могилы!..

Таращатся бессонные дружки.
Ползет под абажуром
Змеиный дым. Валятся из руки:
Валет, король с прищуром...

И, козырь огненный бросая в гущу всех,
Кто сбился ночью в кучу,
Смеешься ты, Сократ! И хриплый смех —

Над лысиною – тучей.

И шавка тьякает меж многих потных ног,
Носков, сапог и тапок!

И преферанса медленный клубок...

И близкой кухни запах...

И – ты пофилософствуй, грек Сократ,

Тасуя ту колоду,

Между картин, что ведьмами глядят,

И рыжего комода,

И слоников, что у трельяжа в ряд

Так выстроились чинно —

О том, что нету, нет пути назад

В горячие Афины, —

А только есть седые игроки,

И костью пес играет!

И бубны бьют!

И черви – близ ноги

Ползут и умирают!

И пики бьют – наотмашь, под ребро!

И под крестами – люди...

Играй, Сократ.

Проматывай добро.

Твой козырь

завтра будет.

БАВИЛОН

О, коли Время можно загасить
Одной ладонью голой,
как свечу!..

Здесь, в Вавилоне, не протянут пить.
Сорвут с плечей рогожу и парчу.
Здесь Вавилон. Его оскал зубаст.
Его глаза звериные красны.
Он слямзит, выжрет, оболжет, продаст.
Он маску мира вздел на рык войны.
По улицам его трусят, трясясь,
Людишки. Морды лошадины их.
И бьется нежное лицо, как белый язь,
В дегтярных топях кабаков ночных.
Я вижу ангелов. Всех херувимов зрю.
Всех серафимов я в анналы лба
Запхала. Вавилонскую зарю
С природы малевала я, слепа.

Заплеванный мой, каменный мешок,
Любимый город может спать споко... —
Ну, выпьем, Вавилон, на посошок.
Простимся. Разрыватья нелегко.

Я дочь твоя. Я дырь твоя и брешь.
Церковная – в За-русско-речь – мышь.
Ты тесаком мне пуповину режь,
Свиным ножом!
Я заплачу барыш.

От улиц блестящих, хлестких, дождевых;
От красных башен – зубья чеснока,
Моркови ли, где колокольный дых;
От кусов снега – белого швырка
Купецкого; от ночек, где подвал
Ворочался всем брюхом мне навстречь,
Бутылью, койкой, куревом мигал,
Чтоб закавыкой заплеталась речь,
Чтоб лечь живее,
чтоб обнять тесней,
Чтобы мертвей – метлой в ночи!.. – уснуть...
От воплей Вавилонских матерей,
Чей за сынов гробами – зимний путь;
От следа той Боярыни саней —
Двуперстье – ввысь! – на горностае-снегу;
От подземельных, воющих огней,
Что розвальни железны на бегу
Рассыплот... —
от разряженных цариц,
От нищенки, кудлатой, как щенок, —
Иду я прочь от лучшей из столиц,
Эх, розвальни мои – лишь пара ног!

Я ухожу навек, мой Вавилон.
Москвища ты, Москвишечка, Москва —
Тоска; Москва – Молва; Иван спален
Великий – почернела голова.
Пророчу велий в будущем пожар.
Тебе ли сажи, мать, не занимать?!..
Пророчу огненный, над грузным снегом, шар —
Он все сожжет. Он будет век летать.

И дядьки пьяные, бутылки ввысь подъяв
С-подмышек, из-за пазухи, крича:
– Гори, блудница!.. Смертью смерть поправ!.. —
В меня как дунут, будто я – свеча!
Весь люд мой Вавилонский заорет!
Костер пожрет и жемчуг и мешок!
Я ухожу навек, о мой народ.
Кто крикнет вам, что жив на небе Бог?!
За все грехи. За крупяную мышь
Зашкафной лжи. За сердце, ног промеж —
Костер Московский,
 весело горишь,
Огнь Вавилонский,
 души живы ешь!
И, мразь и князь, калека и юрод,
По стогнам,
 по соборам,
 под землей —
Пребудут все в огне – святой народ,
И – мученства венец – над головой!

Сгорит мой Вавилон! Сгорит дотла.
Я так любила – в сердце нищеты,
В обломках досок, где жила-плыла, —
Кремль ненаглядной, женской красоты.
Я церкву каждую, как тетку во платках,
За шею обнимала, омоча
Слезами грудь ей... Ты живи в веках.
А я сгорю. Такая я свеча.
А я сожгусь. Истлеет в пепел нить.
Развышьет сажа вьюжную парчу.

О, если б Время злое загасить
Всей жизнью бедной,
голой, —
как свечу...

ВСЕПРОЩЕНИЕ

Нынче я прощаю всех, кто меня замучил.
Брызнет нимбом яркий смех – звездою падучей.

Вот и мученица я!.. Вниз гляжу, незрима:
Вот и вся моя семья – в небе херувимы.

Ну, а вы, родные, вы?!.. – Жалкие людишки!..
Не сносить вам головы, не казать подмышки.

Выгорел мой век дотла – черною обедней.
За подачкой из горла я стою последней.

Снегом я – за ратью рать – сыплюсь миру в раны.
Мне не страшно умирать: лисьей песней стану.

Стану волчьей хрипотой, хищной и святою, —
Закружусь над молодой головой златою...

Как завою, запою! Как забьюсь колюче
Я – у жизни на краю – в судорге падучей!

А золотая голова задерется в небо...
Слышишь, я жива, жива!.. Сыплюсь белым хлебом!

Сыплюсь черным снегом вниз! Языком горячим
Всю лижу живую жизнь в конуре собачьей!

Всех целую с вышины! Ветром обнимаю!
Всех – от мира до войны – кровью укрываю...

Прибивали ко Кресту?!.. Снег кропили алым?!..
Всех до горла замету смертным одеялом.

Штопка, вязка, птичий пух, шерстяная замять...
Плачет псом небесный дух. Воеет волком память.

Сердце – наледь.

Кости – лед.

...В кабаке постылом
Я вливаю кружку в рот с занебесной силой.

И, кругом покуда смех, чад и грех вонючий, —
Плача, я прощаю всех, кто меня замучил.

СЛЕПЫЕ

Мы вся семья слепые. Мы по миру идем.
Пока мы все живые. Под снегом и дождем.
На ощупь жму медяшку. И языком лижу.
Оглодки, кости, кашку в котомку я сложу.
На матери наверчен мохнатый ком платков.
Медведи мы, наверно, да нет у нас клыков.
Заплата на заплате. И пятка так боса.
Подайте, тети, дяди, серебряны глаза!
Подайте ближе блюдо, а выхвачу я сам.
Огрызки – это чудо, и чудо – стыд и срам.
И чудо – все не видеть, в дрань кутаться, дышать,
Цыпленка не обидеть и близ ларька стоять,
Стоять близ яркой лавки, где богатеи жрут...
Вдыхать, навроде шавки, и чуют: все умрут.
И мы: отец в отрепьях, мать в затрапезке, я —
Земли великолепье, небесная семья —
Счастливые, слепые, умрем зимой, во сне,

Когда снега косые, в серебряном огне.

Вы ешьте, пейте сладко. Обиды не держу.
На мир босою пяткой я нежно погляжу.
А мир простой, жестокий, ожог, – как от огня,
Как вбитый гвоздь – до срока, как голая ступня,
Как два – на роговице – отчаянных бельма,
Как под рогаткой – птица, сошедшая с ума.

БЕРЕГ МОРЯ

...Овидий, я тебя так слепо вижу —
Так: лысым камнем сквозь стекло воды.
Телега скрипящая. И бык кроваво-рыжий
Тебя везет, вывозит из беды.
Ну ты и влип. Лоб белым терном крупка
Ледяная обвила. Кровь течет.
Ты – кости-кожа. Шаг по снегу хрупкий.
Наст выдержит. Не танец, не полет.
Сшил кожаный колпак себе иголкой,
Похищенной в избе: дрожит губа
Скифянки старой. Песнь заводят волки.
Уж ведаешь в рыбалке, мукомолке.
Снег лепит в грудь. Судьба. Опять судьба.

Веселая судьба!.. – скрипи зубами.
Завидная судьба!.. – достань из губ

Застывших – свист. Солёный, меж снегами
Зверь моря спит. И дышит.

Вот изгиб

Зеленой кожи дрогнул – и брезгливо
Пошел, поплыл, смарагдом над стопой
Босой – завис... Да, хлебом люди живы.
И ты, старик, изгой, – пока живой,
Пошарь за пазухой, за кожаной подкладкой,
Достань кусок, слежал, колюч, тяжёл, —
О, хлеб Любви!.. – ешь, плачь, с ладони, сладко... —
...хлеб Родины!.. – дух в ноздри не вошел —
Копьем вонзился – под ребро – навылет:
Язык, зачуй, – шершавая рука, —
Старик, твой лоб Борей пилою пилит,
А снеговые лохмы – близ виска
Трясутся на ветру, – глотай свободу,
Грызи и нюхай счастья ломоть!
Настанет ночь. В заливе нету брода.
И лед. И грязь. И тьму не побороть.
И ты один, в плаще, что сгрызли мыши,
Стоишь на мерзлом, бычьем берегу,
Хлеб в рот пихаешь, плачешь и не дышишь,
И слезы замерзают на бегу
В руслах морщин, в оврагах щек голодных, —
Ты отираешь голой их рукой,
Седой мужик, Овидий, раб свободный, —
Хлеб на зубах, посыпанный тоской,

Скрипит; скрипит, заснежена, телега;

Скрипит больной, изношенный хребет.
О, ешь свой хлеб любви под кровом снега.
О, пей из моря соль, пока – поэт.
Пока твой гроб не волокут по берегу.
Пока не сыплют в яму горсть монет.

СОН ОВИДИЯ. РОЗОВЫЕ ОДЕЖДЫ

Этот сон мне приснился не зря.
Этот сон мне приснился недаром.
...Император сидел предо мною, горя
Шелковьем, ярко-алым пожаром.

Змей из золота – трон сторожил.
Где павлины, а где опахала?..
Нищий, скрюченный дрожью до пламенных жил,
Понял я, что душа жить устала.

Он разжал свой запекшийся рот,
Пересохший меж вин и лимонов.
Процедил: – Ты мой нищий, подземный народ.
Я – звезда твоего небосклона.

Ты голодный. Меха съел червяк,
И гиматий порвали шакалы.
И во все времена будет истинно так.
Ты бедняк. Плоть твоя жить устала.

Я пресыщен, и розова ткань.
Ярче света зари эти складки.
Что умеешь ты, дикая, пьяная рвань?
Обезьяньи прыжки да колядки?!

Распевать под забором псалмы?
Клянчить черную сохлую корку?
Да у звезд – попрошайкой суконным – займы
Жизнь канючить, вертеть, как опорку?!..

Царь я твой!.. прочь, мерзавец и раб..
Ишь, подумай, Овидием звался!..

И пополз от царя, будто маленький краб,
Я, что пел, пил вино, целовался,

Я, что был себе Царь или Бог
Там, на ложе, где листьями мяты
Пахли груди, – а левый, от сердца, сосок...
...Вот я – скрюченный, грязный комок,
Вот – владыка в виссонах проклятых.

И вцепился когтями я в шелк,
И в зарю я зубами вцепился,
И, пока не набросился бешеный волк,
Я кричал и стихами молился!

И горел плащ кровавый царя

Над лохмотьями с запахом сала,
И вставала душа, как над снегом заря,
И о жизни и смерти кричала.

ОВИДИЙ ОТДЕЛЯЕТ ТВЕРДЬ ОТ ВОДЫ

Я верю: ты сильный. И руки твои —
И мышцы твои – и ключицы твои —
Бугрятся огнем. В дырках драный хитон?!
Не дыры то – звезды: вот Лев, Орион.
Ты сильный, Овидий. Я вижу: крыло
Заместо лопатки влачишь тяжело.
Поэт и мужик. Поднебесный ты пес.
Почти Божество. Я ослепла от слез,
Но вижу: все ребра свои обнажил —
Узорочья вздул изумляющих жил —
Канатные все сухожилия напряг —
Пил из бурдюка, спал меж грязных собак,
А нынче – восстав! – вознесясь в полный рост! —
Ты море воздымешь, отделишь от звезд,
Ты твердь отрываешь от злата воды,
Зенит разбиваешь на комья слюды,
На сотни улыбок, и губ, и зубов,
Что дарят любовь, что кусают любовь,
Что сердце грызут, что проклятья хрипят... —

На бездну алмазов, что кровью горят!

Да, Звездное Небо – ты создал, поэт.

Да, Грозное Море – ты создал, поэт.

Ты спишь под телегой, под горем планет.

Плетут вензеля они тысячи лет.

...Веребочки, петельки – тысячи лет.

Тебя уже нет. И меня уже нет.

И нет головы твоей лысой, седой.

И нету руки моей – с яркой звездой.

А есть небо – взрыв! Эта пляска огней!..

...Режь жилы мне сразу. Так будет верней.

БАЛ В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ

О люстра какая! Она как гора снеговая,
Утыканная тысячью праздничных свечек,
Дрожащая в небе, как звездный вечер...

Огни сыплются зернами золотыми

На белые голые сладкие плечи,

На жемчуг в шиньонах, на Царское Имя,

Что светит в полях далече, далече...

И мы поднимаемся плавно, как павы,

По лестнице света, счастья и славы!

О мрамора зубы-щербины,

Земные руины...

О милый, любимый, как страшно...

Так падает в пашню

Зерно золотое...

На бал мы явились с Тобою.

Пока мы друг друга не знаем.

Мы соприкасаемся рукавами,

Тесьмой, бахромой, кружевами,

Локтями, дыханьями, телес углами.

Глаза стреляют и мечут пламя.

Толпа смеется жемчужным смехом.

Меж нами лица, затылки, жизни.

А Ты – моим эхом, а я – Твоим эхом.

И Ты – навеки – моя отчизна.

И Ты – кафизма моя и аскеза,

Мой ирмос, кондак, стихира, стихия!

А в грохоте пламенного полонеза

Царицей проходит моя Россия.

И мы с Тобой ее белый вальс танцуем!

Едим ее рубиновую икру, янтарную белугу!

Ее звездным бокалом звеним, балуя —

И вновь чалые кони – по кругу, по кругу!

Вот Ты ко мне полетел – кренделем локоть!

Я – руку в лайке – на обшлаг сукна-болота

Легла лилия... Я могу Тебя трогать...

В бальном лесу за нами погоня! охота!

Вальс втянул мои косы в воронку
Ветра! Гляди, Царица похожа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.